

ИСТОРИЯ

А.В. ЗИНЬКО

ВОСТОЧНАЯ ТАВРИКА В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Традиционно начало эпохи Великого переселения народов связывают с вторжением гуннов на Северный Кавказ в 370-375 гг. [11, с. 55]. Отрывочные сообщения письменных источников и результаты многочисленных археологических исследований последних десятилетий дают противоречивые представления об этнической ситуации в Восточном Крыму в эпоху Великого переселения народов. Это обусловлено как краткостью свидетельств древних авторов и небольшим количеством фрагментарных эпиграфических надписей, так и сложностью интерпретации и датировки археологических источников.

О происхождении гуннов и обстоятельствах их появления в восточноевропейских степях на основании письменных источников писали многие исследователи, пытавшиеся реконструировать историю последнего этапа Боспорского царства [24, с. 478-484; 18, с. 251-253; 33, с. 132-142; 11, с. 79-82].

Гуннское нашествие нашло определенное отражение в сочинениях ранневизантийских авторов. Так, Ермий Созомен в труде, написанном в 444 г., описывает погоню за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления императора Валента, вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. Но в этом событии Боспор не упоминается. Зосим во второй половине V в. сообщает о гуннах как о «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно», и что «Киммерийский Боспор, обмелевший от нанесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» [8, VI, 20]. Прокопий Кесарийский повторяет легенду об олени, показавшем гуннам переправу через устье Меотидского озера [7, VIII, V,7-13]. В середине VI в. н.э. Иордан в своем труде «Getica», ссылаясь на Прииска из Паниона, пишет о расселении гуннов на дальнем берегу Меотиды, переправе с помощью оленя на другой берег и последующей победе их над «скифами». Ранневизантийский автор второй половины VI века – Агафий Миринейский отмечает, что в древности гунны жили восточнее озера Меотиды, и пишет о переходе последних спустя много поколений в Европу, не акцентируя внимание на версии о животном,

показавшем путь, считая, что гунны могли воспользоваться и другим случаем для перехода через устье Меотидского озера [5, р. 5, 11,2-3].

В целом, в кратких сообщениях Иордан, Прокопий и Агафий Миринейский, изложили своё виденье легенды об охоте гуннов за оленем или ланью и их переправе через устье Меотиды. Однако А.В. Гадло подчеркивает фольклорный характер этого гуннского придания [23, с. 16]. По его мнению, появление гуннов в европейских степях могло показаться внезапным только тем готам, которые жили вдали от Меотиды (Азовского моря) [23, с. 12]. На запад двинулась, по всей видимости, лишь одна гуннская орда во главе с вождем Баламиром. Она направилась через низовья Танаиса и обрушилась не на готов, а на родственные им племена (алпидзуры, итимары, тункарсы), отошедшие ранее на запад [23, с. 14]. За спиной Баламира осталось сильное племя акациров, сопротивлявшееся гуннскому племенному союзу до 40-х годов V в. Таким образом, вторжение гуннов, как считал А.В. Гадло, было широкой миграцией относительно слабо связанных различных кочевых этнических групп [23, с. 15].

По заключению С.А. Плетневой, гуннские племена находились на самой примитивной стадии таборного кочевания, и в поисках новых пастбищ они завоевывали все новые и новые обширные степные пространства. У них не было долговременных становищ и родовых кладбищ [53, с. 14]. Гунны оставили в степях Северного Причерноморья погребения с кремированными остатками и трупоположениями. Многие могилы с трупоположением были выкопаны в курганных насыпях более ранних эпох. Многообразие погребального обряда свидетельствует о полиэтничности варваров, вошедших в гуннский союз [11, с. 56]. С.А. Плетнева полагает, что объединение, возглавляемое гуннами, нельзя даже назвать «союзом родственных племен», поскольку этносы, входившие в него, были разноязыкие и разноэтничные [54, с. 20]. Все, разместившиеся в восточноевропейских степях, кочевые орды мощного гуннского объединения продолжали в течение сравнительно долгого времени вести «таборное» кочевание. Этот вывод С.А. Плетнева делает на основании данных археологии, так как на громадной территории, населенной весьма густо, исследователям почти не попадаются следы гуннов. Ни разу не были зафиксированы остатки более или менее обитаемых зимников, только обнаружены разбросанные по всем степным пространствам более полусотни погребальных комплексов [54, с. 20].

Опираясь на сообщения ранневизантийских авторов, В.Д. Блаватский утверждал, что основная масса гуннов, шедшая через Причерноморье, перейдя Дон и Днестр, почти достигла границ Империи. Вторая группа, более малочисленная, но сильная, прошла сквозь азиатскую часть Боспорского государства, а затем, переправившись через Керченский пролив, обрушилась на европейскую часть Боспора [18, с. 252]. Н.И. Сокольский также считал, что гуннское нашествие положило конец Боспорскому царству и привело к гибели в 70-х годах IV в. городов и сельских поселений на азиатской стороне государства [Сокольский,

1968, с.251-254]. Переправа гуннов на Керченский полуостров, по его суждению, была произведена через косу Чушка, т.е. в наиболее узкой части пролива. Причем Н.И. Сокольский предполагал, что этот переход был, кроме того, сделан на судах и лодках, собранных на Таманском полуострове, так как замерзание этого места зимой бывает не ежегодным. В то же время исследователь полностью доверяет письменному сообщению Зосима о превращении пролива в землю от нанесенного ила, давшего возможность гуннам переправиться из Азии в Европу. Он считает, что намывы песка и песчаные банки в Керченском проливе – факт хорошо известный. В легендах о животном, указавшем гуннским племенам путь переправы, Н.И. Сокольский видит какую-то историческую основу, и речь в ней идет о переходе через водную преграду в виде болота и мелководья [56, с. 255-256].

Форсировав Керченский пролив, гуннские племена, по мнению Н.И. Сокольского, обрушились на города и поселения европейской части Боспора [56, с. 255]. Здесь разгрому и сожжению подверглись Тиритака и другие поселения, в том числе и столица государства – Пантикапей [56, с. 256]. Однако, Н.И. Сокольский все же уточняет, что тотального уничтожения населения в боспорских городах не произошло, и их слабая жизнь продолжалась после этого события дальше. С этими событиями Н.И. Сокольский связывает отдельные богатые погребения варварского типа конца IV-V вв. в грунтовых склепах на Госпитальной улице в современной Керчи. Все это обусловлено тем, что кочевые гуннские племена, как считал исследователь, нуждались в городских центрах [56, с. 256].

Абсолютную дату вторжения гуннов на территорию Боспорского царства исследователи, как правило, определяют по археологическим материалам. В малых боспорских городах с гуннским нашествием ранее связывали слои разрушений и пожаров, датированные В.Ф. Гайдукевичем по археологическим керамическим комплексам концом IV в. [25, с. 105-127, 133, 134]. Однако, по мнению А.И. Айбабина, такие керамические сосуды типичны для комплексов V – VII вв., а названные слои разрушений должны датироваться не 376 г., а не ранее конца VI в. [11, с. 57]. Опираясь на уточненную хронологию захоронений кочевников, археологических комплексов боспорских городов и поселений, А.И. Айбабин убедительно показал, что гунны появились на полуострове уже после своего утверждения в Северном Причерноморье – на рубеже IV – V вв. или в самом начале V в. Племена гуннов вошли на Крымский полуостров с севера и захватили крымские степи вместе с западной частью Европейского Боспора, разрушив Феодосию. В последствии они использовали данный регион для сезонного выпаса скота [11, с. 73, 77]. Сохранение жизни в городах и поселениях Боспорского царства во время и после гуннского нашествия сейчас является доказанным историческим фактом [11, с. 79]. Это подтверждается и раскопками последних лет ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака [35; 36]. Однако насколько активно гунны вмешивались во внутренние дела Боспорского государства в конце IV – первой половине V вв. установить пока довольно сложно.

Описывая территорию европейской части Боспора, Псевдо-Арриан (V в.) сообщает о том, что западнее города Киты (Китей) жили скифы. Ему вторит Стефан Византийский, локализуя такие боспорские города, как Киты, Акру (северо-восточнее Китея) и Дию (предположительно Тиритака) в Скифии. На основании этих данных в современной историографии делаются определенные выводы об этнополитической обстановке в Восточном Крыму и перманентном сокращении территориальных владений Боспорского царства [26, с. 131]. Однако, как показывает позднеантичная и ранневизантийская письменная традиция, понятие «скифы» не может быть принято здесь как название определенного этноса. Различные древние авторы терминами «скифы» или «сарматы», именовали весь конгломерат варварских племен, обитавших на пограничных территориях, включая и Боспор. Несмотря на многочисленность варварского субстрата в северо-причерноморских землях, этнополитическое понятие «скифы» как образ размытый, с точки зрения этнической и собирательный, с точки зрения географической, проходит через многие древние письменные источники. Ранневизантийские источники странным образом сочетают собственные достаточно подробные этнополитические познания о племенах, обитающих в северо-восточной периферии античного мира, с мифическими данными о варварских народах, почерпнутых из сочинений Геродота, Страбона и других предшествующих античных авторов. Скифскими народами ранневизантийские авторы считают: меотов, сарматов, аорсов, будинов и герулов (Стефан Византийский); гетов и готов (Зосим, Евнапий, Гермий, Созомен, Павел Оросий и другие авторы). Епифаний помещает в Скифии готов, давнов, веннов и ариев. К скифскому племени Феодорит Киррский относит даже гуннов [2; 8; 1; 4]. Поэтому Таврика, а также территория Боспорского государства рассматриваются в ранневизантийских письменных источниках как часть общего «скифского» варварского мира [26, с. 132].

В 20-е гг. XX вв. А.А. Васильев, в соответствии с текстом письма Иоанна Златоуста к Олимпиаде, предположил, что к 400 году Боспорское царство было уже захвачено германскими племенами [20, с. 289]. Однако содержание письма весьма запутано и не содержит конкретной информации, отсюда и разнообразие трактовок текста. По мнению ряда ученых, в древнем сообщении идет речь о крымских или же боспорских готах [21, с. 370; 47, с. 52; 66, с. 33]. В.Д. Блаватский считает, по меньшей мере, недоказанным предположение А.А. Васильева о том, что в конце IV века и в первой половине V века Боспорское государство находилось под властью готов [17, с. 226, прим. 106]. А.И. Айбабин подчеркивает, что в письме нет конкретной информации о местонахождении резиденции епископа Унилы, а наряду с Боспорским царством названы какие-то припонтийские «страны» [11, с. 77, 78]. М.М. Казанский допускал, что в конце IV – начале V вв. готская племенная верхушка находит общий язык с боспорской правящей верхушкой, входя в ее ряды. Однако какие конкретные формы приняла готская власть на Боспоре, можно лишь догадываться. [40, с. 284]. Исследователь подчеркивает,

что какими бы ни были отношения гуннов и Боспорского государства, готы в Восточном Крыму удержались, и их военно-политическая роль на Боспоре до середины V в. была, несомненно, велика [40, с. 285].

По мнению А.И. Айбабина, утверждения о захвате готскими племенами Боспора опровергают эпиграфические памятники V в., найденные в Керчи в 1888 г., в Тамани в 1868 г. и на Таманском полуострове, из которых следует, что Боспорское царство в V в. сохранило самостоятельность и управлялось прежней династией [11, с. 78].

Одним из важнейших источников по истории ранневизантийского Боспора является надпись КНБ № 67. Датировка этой надписи вызвала среди исследователей большие трудности. Ю.А. Кулаковский связывал надпись со временем правления византийского императора Юстина I (518 – 527 гг.) и датировал ее 522 годом. Латышев отнёс надпись к 402 году. К его мнению впоследствии присоединился В.Д. Блаватский, считавший, что постройка крепостной башни при боспорском царе Дуптуне связана с перестройкой оборонительных сооружений в столице из-за того, что сильно уменьшившийся в размерах город уже не мог теперь использовать старую оборонительную систему [18, с. 255]. И.Т. Кругликова относит эту надпись к 306 – 337 гг., т.е. не раньше времени правления императора Константина [44, с. 21-22]. По расчетам В.Ф. Гайдукевича, надпись следует датировать 528 г. Он предположил, что после провалившейся попытки молодого Юстиниана водворить на боспорском престоле гуннского царевича Гроду, император восстанавливает на Боспоре под византийским верховенством старую боспорскую династию Тибериев Юлиев.

Ю.Г. Виноградов, детально изучив надпись, показал, что система параллельного летосчисления по индиктионам и по локальной эре была распространена в V в. в провинциях Византийской империи, которой Боспор в эту эпоху еще явно не принадлежал. Однако как регулярное явление она появляется не ранее середины V в. в Палестине и Аравии, в Киликии и в тесно связанных с Боспорским царством экономическими связями провинциях Анатолии. Ю.Г. Виноградов отнес надпись боспорского царя Дуптуна к октябрю 483 г. [22, с. 237].

Затем Ю.Г. Виноградов, учитывая не подлежащий сомнению факт, что все перечисленные надписью Дуптуна чиновники должны были иметь самое непосредственное отношение к государственному аппарату Боспорского царства, распределил полномочия поименованных официалов. Епарх Игудий, по всей видимости, был царским наместником над европейской частью Боспорского государства с центром в его столице - Пантикапее. В компетенцию комита Спандина, кроме прежней должности личного секретаря владыки, входило прежде всего командование вооруженными контингентами европейской епархии [22, с. 242-243]. Исследователь также обратил внимание на то, что еще А.Л. Бертье-Делагард, изучая надпись Зенона из Херсонеса 488 г., отметил единодушные сообщения византийских авторов о разрушительной силе землетрясения,

в буквальном смысле, потрясавшем в сентябре 480 г. непрерывно, на протяжении 30-40 дней все побережье Пропонтиды, с последствиями которого на северном берегу Черного моря и была поставлена необходимость восстановления херсонесских крепостных стен. Из этого Ю.Г. Виноградов делает вывод, что подобная же насущная потребность, только еще раньше, была реализована боспорским царем Дуптуном, однако на сей раз без какой-либо помощи со стороны Византийской империи [22, с. 243].

По мнению А.И. Айбабина, царь Дуптун укреплял оборону боспорской столицы, опасаясь набегов гуннов, обитавших в соседних степях [11, с. 79]. Погребения гуннов-кочевников в V в. весьма малочисленны: в Восточном Крыму все они известны к западу от Узунларского вала – в кургане близ Марфовки и близ Феодосии. Гуннское захоронение из Марфовки по золотым пряжкам с широкой пластинчатой рамкой относят к концу V в. [10, с. 208-209, *рис.* 2,5,6]. При гуннской гегемонии в Степном Крыму постоянного населения, по-видимому, не было. Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова [23, с. 15]. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевок кочевников. Поэтому в крымских степях ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Однако В.Б. Блаватский предполагал, что Боспорское государство, начиная с последней четверти IV в., до первой четверти VI в. находилось в той или иной степени зависимости от гуннов, вероятно, выражавшейся в каких-то поборах. Во время же дальних походов гуннов на запад их власть над Боспорским царством ослабевала или вовсе прерывалась. Может быть, на один из этих перерывов приходилось правление боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна [17, с. 226, *прим.* 105].

Стоит также упомянуть мнение В.П. Яйленко о том, что появившиеся на территории Боспорского царства в 375 г. и прочно осевшие здесь на века гунны-булгары органично вошли в уже существующую боспорскую политическую систему, культуру и образ жизни [62, с. 328]. С гуннами исследователь связывает своеобразное обновление правящей верхушки Боспорского царства, так как Дуптун, Игсуди и Саваг – гуннские имена [62, с. 324]. В.П. Яйленко находит разъяснение имени боспорского царя Дуптуна на тюрской почве, переводя его как «имеющий (дикую) лошадку» [62, с. 324]. Этот гуннский царь, который правил, по В.П. Яйленко, в начале V в., стал восприемником всех титулов прежних боспорских владык – он «царь благочестивый, друг Цезаря и друг римлян», к его имени прибавлены традиционное личное и родовое имя прежних боспорских царей Тиберий Юлий. Гуннская знать настолько выросла в позднеантичную цивилизацию, что испытывала потребность в таком инструменте политической организации классового общества, как христианство. А проживавшие в городах гунны восприняли даже греческий язык [62, с. 328].

Не оспаривая этимологию имени Дуптун, следует все же отметить, что

остальные построения В.П. Яйленко не находят соответствия в истории Боспорского царства V в. Надпись боспорского царя Дуптуна все же следует, как это аргументированно доказал Ю.Г. Виноградов, датировать не 402 г., а 483 г. [22, 1998]. Христианизация же гуннских племен произошла не в начале V в., а на целое столетие позже, в начале VI в., как это описано в сочинениях ранневизантийских авторов.

В центральной и западной частях Восточного Крыма не выявлены поселения варваров IV - V в., входивших в разноэтничный племенной союз крымских готов. В могильниках у сел Заморское и Фронтное открыты лишь отдельные варварские погребения этого времени, а собственно гуннским можно считать только погребение у деревни Марфовка [50, с. 45]. Это впускное погребение в более раннюю курганную насыпь было случайно обнаружено в 1925 г. близ деревни Марфовка, расположенной в западной степной части Керченского полуострова, в 12 км к северо-западу от боспорского города Киммерик. При исследовании, которое проводил директор Керченского историко-археологического музея Ю.Ю. Марти, было установлено, что погребение совершено в каменной гробнице. На дне гробницы лежал костяк женщины, головой на запад, на которой находилась золотая на бронзовой основе диадема, украшенная вставками сердолика и орнаментом из зерни [33, с. 177, табл. 24, 1]. Рядом с диадемой стояла стеклянная чаша округлой формы, со слегка отогнутым краем и орнаментом в виде синих овальных капель, датируемая Н.П. Сорокиной в пределах конца IV – первой половины V вв. [57, с. 57, рис. 2]. У ног погребенной лежали небольшая массивная золотая пряжка и разбитое круглое зеркало. В выбросе могилы были обнаружены два золотых колта со вставками камней и орнаментом из зерни. Кроме того, местными жителями были переданы в Керченский музей вещи из этой могилы, точное место нахождения которых неизвестно. Это - круглое золотое навершие с алмандином в центре, прямоугольная золотая пластина с двумя вставками сердолика, обломок золотой пластинки с тремя гнездами без камней, еще одна золотая пряжка, золотая пластинка с тремя вставками сердолика, 18 тонких золотых пластинок полуовальной и прямоугольной формы и два золотых кулона, украшенных вставками и орнаментом из зерни [33, с. 177, табл. 24]. Диадема и колты исполнены в едином полихромном стиле, и, несомненно, составляют гарнитур богатого женского украшения, которое датируется концом IV – первой половиной V вв. [33, с. 118].

Археологическим признаком культуры варваров степей гуннского времени являются ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации. Они распространились в Северном Причерноморье под влиянием гуннов [14, с. 72]. В археологическом материале из степи и из погребальных комплексов некрополя Боспора прослеживаются несомненные параллели. И.П. Засецкая, анализируя эти памятники, выделяет две группы: первая – конец IV – первая половина V вв. и вторая – вторая половина V – начало VI вв. [31, с. 86]. Первая относится к периоду

сравнительно стабильной политической обстановки в Северном Причерноморье, ознаменовавшемся сложением в степях мощного гуннского племенного союза. В это время широко распространились полихромные украшения, которые, хотя и представлены новыми формами орнамента и техники, продолжают традиции ювелирного искусства Боспора. Именно столица Боспорского царства была одним из центров производства полихромных украшений гуннской эпохи [31, с. 88].

Однако ситуация изменилась в 453 г. после смерти предводителя гуннов Атилы. В 454 г. в битве на реке Недао в Паннонии гунны были разбиты гепидами во главе с Ардарихом, и их полиэтничный союз распался [65, с. 152-153]. По сообщению Иордана, часть входивших в него племен вернулась в Причерноморье, туда, где ранее жили готы. Прокопий Кесарийский утверждает, что крымские степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. уже занимали гунны [7, XII, 9; V, 26]. Он пишет, что сын Атилы Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье, но на территории Крымского полуострова был остановлен готами [7, V, 15-22]. Прокопий называет этих готов «тетракситами», а в других случаях «трапезитами». По поводу этих двух этнонимов в научной литературе до сих пор ведется острая дискуссия. А.А. Васильев полагал, что второй этноним более точен и связывает этноним «готы-трапезиты» с топонимом реально существующей близ Алушты Столовой горы – Трапезус (современная гора Чатыр-даг) [66, р. 64-69]. Е.Ч. Скржинская на основании упоминания Иордана в перечне прибрежных городов восточнее Мирмекия города Трапезунта предположила, что этот город основали на побережье Северного Кавказа крымские готы – союзники утигуров, перенесших из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус [3, с. 198-199]. Принимая точку зрения А.А. Васильева, недавно попробовал установить происхождение этнонима «трапезиты» А.Е. Катюшин [41]. Он предположил, что еще в I в. город Гермонасса, находившийся на азиатской стороне Боспорского царства, имел второе название – Трапезунта. Именно это название знал Иордан. Как полагает А.Е. Катюшин, переправившиеся на азиатский берег готские племена поселились в окрестностях боспорского города Гермонасса–Трапезунта и стали называться «трапезитами» лишь с момента этого нового расселения [41, с. 455, 457]. Однако такое предположение противоречит тексту Прокопия Кесарийского, который писал о более позднем периоде.

И.С. Пиоро, вслед за А.А. Васильевым, объяснял этноним «тетракситы» существованием четыре племен или общин германцев. Это мнение основано на свидетельстве Прокопия Кесарийского о том, что на двадцать первом году правления императора Юстиниана I готы-тетракситы прислали в Византию четырех послов. Возможно, от каждой из четырех групп был выделен представитель – посол. По словам И.С. Пиоро, деление готов-тетракситов на группы или общины могло соответствовать их этнической неоднородности, и в таком слу-

чае понятно уточнение «тетракситы» к общему названию «готы» (т.е. племена разноэтничного готского союза) [52, с. 53-54].

Прокопий Кесарийский рассказывал о столкновении на Крымском полуострове гуннов-утигуров с готами-трапезитами (тетракситами) (11, с. 81). М.Б. Шукин локализует это противостояние где-то на Перекопском перешейке, поскольку именно здесь «не очень широкий путь», позволяющий обограться сравнительно малыми силами [61, с. 456]. М.Б. Шукин, на основании небольшой ремарки из текста Прокопия, относит событие не к периоду после битвы при Недао, а ранее – к моменту передела власти в «Гуннской империи» после смерти Руи в 30-х гг. V в. [61, с. 454].

Однако некоторые исследователи, вслед за Ю.А. Кулаковским, полагают, что сражение между готами и гуннами могло произойти в Восточном Крыму [47, с. 55]. Так, М.М. Казанский видит в боспорских готах-тетракситах единственную реальную силу на Боспоре, способную остановить гуннов на керченских переправах [40, с. 285]. А.А. Масленников предлагает считать залив «в виде полумесяца», упомянутый Прокопием Кесарийским, – большой Казантипский залив в Крымском Приазовье, где в районе Узунларского вала и были готами остановлены гунны-утигуры [50, с. 43]. Сейчас даже найдены небольшой ров и вал близ села Верхнезаморское в нескольких сотнях метров к западу от Узунларского вала - границы Боспорского царства V в., которые «соорудили за несколько дней две-три тысячи готских воинов» [28, с. 91]. А.А. Масленников обоснованно считает этот вал противотанковым сооружением времен Великой Отечественной войны [28, с. 92]. При поперечном стратиграфическом разрезе данных рва и вала раскопщики не нашли ни одной датирующей находки.

Не отрицая реальность описанных древними авторами событий, следует все же отметить, что выдавливаемые из Крыма готские племена должны были защищать свои земли, а не устраивать битву на западной границе Боспорского царства, уже оставив врагам - гуннам территории своего прежнего обитания. Резонно предположить, что «лунообразный залив Меотийского озера» должен располагаться ближе к местам, где полиэтничный готский племенной союз фиксируется археологически в IV - первой половине V вв. А это предгорная и долинная часть Крымского полуострова. Поэтому на место противостояния готов и ворвавшихся с севера на Крымский полуостров гуннских племен более подходит приазовская часть Акмонайского перешейка близ Феодосии, вне тогдашней территории Боспорского государства. Согласно сообщению Псевдо-Арриана, в это время на месте боспорского города Феодосии находилось поселение, названное на аланском или таврском наречии «Ардабда», т.е. «Семибоженный». Слово «Ардабда» иранского происхождения и связывается исследователями с аланскими племенами, входившими в полиэтничный союз племен крымских готов [52, с. 114].

Среди некоторых исследователей существует мнение, что Боспорское государство было захвачено гуннскими племенами и оставалось гуннским, по крайней

мере, до начала VI в. [14, с. 71]. Вероятно, с новым вторжением гуннов следует связывать сожжение и разрушение рыбацкого предместья Боспора на берегу Керченской бухты у восточного склона горы Митридат, исследованного в последние годы А.И. Айбабиным [13, с. 6].

Население степей Восточного Крыма во второй половине V в. составляли кочевые гунны, так как готские племена их покинули. С их уходом связывают прекращение погребений на могильнике у села Заморское [42], где V в. датируются лишь четыре погребения [11, с. 59; 14, с. 15]. Гуннские кочевья могли располагаться к западу от неоднократно упоминавшегося Узунларского вала, который на протяжении IV- начала VI вв. являлся западной границей между боспорянами и варварскими племенами. В близлежащих боспорских поселениях и некрополях Крымского Приазовья нет находок посуды черняховского облика, как и почти нет тех украшений, которые обычно связывают с культурой кочевников эпохи переселения народов [50]. В то же время рядом с боспорскими прибрежными поселениями известны остатки каких-то юртообразных построек, возможно, гуннских, при исследовании которых найдены лишь незначительные фрагменты керамики V в. и обгорелые обломки костей [50, с. 46, прим. 35].

На самих же боспорских сельских поселениях Крымского Приазовья в V в. продолжается обычная жизнь. Здесь по-прежнему обитает местное сельское население – боспоряне, к которому со временем добавились отдельные выходцы из варварской среды, в частности, готы-тетракситы, этнический состав которых был весьма неоднородный [50, с. 51]. С пришлым варварским гото-сарматским населением А.А.Масленников связывает распространение подбойных могил на сельских некрополях, отдельные случаи находок деформированных черепов, некоторые формы лепных сосудов, темнолощенную керамику с зооморфными ручками и геометрическим орнаментом, поздние земляные склепы простой конструкции и сопутствующие конские захоронения [50, с. 45], загадочные письмена, оставленные в камере склепа № 11/2 грунтового некрополя Старожилово [50, с. 11-12, *рис.* 22], а также отдельные предметы вооружения. Это немногочисленные железные кинжалы [50, *рис.* 28, 10; 44, 1; 46, 25] и довольно редкая находка – железный умбон щита, который датируется временем между второй половиной III и третьей четвертью V вв. [50, с. 37]. Какое-то гуннское влияние, вероятно, сказалось и на отдельных предметах боспорского вооружения (сложный лук) [50, с. 46].

Однако вызывает сомнение предлагаемая А.А. Масленниковым датировка и интерпритация погребального инвентаря. Поэтому насколько сильно изменился этнический состав степей Восточного Крыма в V в. установить пока не представляется возможным.

Судя по археологическим материалам города и поселения восточной части Европейского Боспора, и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи примыкавшего

к Феодосии региона (11, с. 79). Археологические комплексы V – начала VI вв. найдены в боспорских городах Тиритаке, Китее, в Зеновом Херсонесе и на ряде сельских поселений [49, с. 156-167]. Общепринятое мнение о запустении городских кварталов столицы Боспора после 376 г. н.э. на горе Митридат [17, с. 51, 64] опровергают материалы из раскопанного там верхнего слоя, где содержалась керамика V-VI вв. [55, *Табл.* 5]. В обнаруженных в верхних горизонтах этого слоя плитовых могилах самыми ранними были пряжки, фибулы и поясной набор VII в. [9, с. 15, 69].

В V в. город Боспор сохраняет своё значение столицы, ремесленного и торгового центра Боспорского царства. Как установил В.Д. Блаватский, этот город до прихода гуннов занимал прежнюю территорию, но более редко заселенную. Военная опасность от живших вблизи кочевников и градостроительные соображения побуждали к концентрации оставшегося населения на более компактной площади. Помимо занятий торговлей и ремеслом, которые рано обособились и замкнулись в корпорации, население столицы жило главным образом за счет натурального хозяйства. Основными занятиями были земледелие на прилегающих к городу участках и рыбная ловля [16, с. 72].

Археологические раскопки последних лет на западном плато горы внесли определенные коррективы в представления о столице Боспора в V в. Установлено, что в это время население Боспора не полностью оставило территорию древнего акрополя, ряд построек продолжал существовать параллельно с городским некрополем. Более того, обилие архитектурных остатков говорит о сравнительно высокой строительной активности жителей, населявших этот район. Следов гуннского разрушения археологами не обнаружено. Постройки существовали в непосредственной близости (всего в 50-100 м) от некрополя, а отдельные могилы были сделаны даже в разрушенных помещениях [29, с. 30-32]. Здесь еще В.Д. Блаватским и И.Д. Марченко ранее было найдено большое количество погребений раннесредневекового времени, совершенных в грунтовых ямах и плитовых могилах. Раскопками последних лет также открыто еще несколько десятков погребений, относящихся к VI – VII вв. Большинство погребений – безынвентарные, но в некоторых встречены лепные и стеклянные сосуды, бронзовые и железные пряжки, орудия труда и т.п. [29, с. 29]. Все это свидетельствует о том, что теперь бывший акрополь столицы царства стал западной окраиной города, граничащей с некрополем на горе Митридат. Раннесредневековые могилы встречаются не только здесь, но также в районе Глиница (на месте прежнего античного некрополя) и в других местах современной Керчи.

Особо следует отметить группу более богатых, так называемых «готских» или «гуннских» гробниц – грунтовых склепов, обнаруженных в районе Госпитальной улицы на северном склоне горы Митридат. Здесь в 1904-1907 гг. проводил археологические раскопки В.В.Шкорпил [Шкорпил, 1900; Шкорпил 1907; Шкорпил, 1909], которые и дали находки, ассоциирующиеся с многократно

обсуждавшимся «феноменом Госпитальной улицы», столь существенным для всех расчетов Европейской хронологической системы эпохи переселения народов [61, с. 243-246]. Однако большая часть грунтовых склепов этой части городского некрополя Боспора оказалась полностью ограблена. Отдельные из них по содержанию надписей, наличию крестов, нанесенных на стены склепов, и крестообразные надгробные памятники, а также ориентация покойных говорят в пользу христианской принадлежности умерших. В.В. Шкорпил отмечал, что «христианские гробницы, устроенные рядом с богатыми «готскими» склепами, поражают бедностью находимых в них вещей». Исследователь полагал, что христиане и боспорская знать имели различный социальный статус по конфессиональному признаку, причем христиане пользовались особым покровительством столичной знати, так как их погребения совершались рядом [59, с. 32]. Все же маловероятно такое резкое противопоставление христиан и язычников на Боспоре в V в., особенно во второй половине столетия, когда христианство стало государственной религией царства.

В этом же районе столичного некрополя Боспора Е.А. Зинько был исследован грунтовой склеп № 30, датируемый V в. и давший интереснейший антропологический материал [37]. Так как склеп был ограблен еще в древности, погребенные были сброшены с лежанок на пол погребальной камеры. Исследователям удалось установить, что в склепе было погребено 5 человек: один мужчина в возрасте 50 лет, две женщины в возрасте 45-50 и 30-35 лет соответственно и двое детей, пол которых определить невозможно. Расовая принадлежность женских взрослых черепов – смешанный европеоидно-монголоидный тип, с доминантой последнего комплекса признаков. Большинство черепов было подвергнуто искусственной деформации разной интенсивности и разного типа – высокой и низкой циркулярной компрессии, с помощью двух видов бандажа: лобно-затылочного и лобно-теменного. Единственный не деформированный череп – мужской. Мужчина имел при жизни высокий рост (более 180 см), а женщины – выше среднего (около 160 см) [37, с. 113-114]. Эти антропологические данные по составу одной семьи жителей столицы Боспорского царства в V веке, неопровержимо свидетельствуют о ее этнически смешанном характере, когда глава семьи, вероятно, был греком, а женщины происходили из восточных кочевых племен – аланов или гуннов. С гуннами связывает И.П. Засецкая и захоронения в керченском грунтовой склепе 154, где находилось одиннадцать погребений, дата которых не выходит за пределы середины V в. [33, с. 158].

Анализируя находки из грунтовых склепов 145, 154, 165 и двух катакомб, разграбленных кладоискателями 24 июня 1904 г., И.П. Засецкая подчеркивает, что они служили семейными усыпальницами, и материал этих захоронений как внутри одного склепа, так и в разных склепах столицы Боспора носит однородный характер [30, с. 13-14]. Он представлен однотипными предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и принадлежностями костюма, иден-

тичной стеклянной и серебряной посудой. Кроме того, для богатых погребений боспорской знати типичны многочисленные золотые изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации. Перечисленные керченские грунтовые склепы, бесспорно, представляют единый хронологический пласт, отражающий культуру Боспорского царства конца IV – первой половины V вв. когда в степях Северного Причерноморья господствовал гуннский племенной союз [30, с. 14].

Сравнительный анализ материалов керченских склепов и погребальных памятников восточноевропейских степей позволил И.П. Засецкой выявить как сходные, так и различные категории вещей, к последним относятся украшения костюма и конского снаряжения. Изготавливая их, древние мастера руководствовались не только декоративностью, но в определенной мере также идеологическими представлениями своего племени, и это нашло выражение в формах и орнаментации изделий. Поэтому распространенные среди степного населения полихромные украшения – колты, диадемы, кулоны – принадлежат к специфическим предметам кочевнической культуры и никогда не встречаются в комплексах боспорских склепов. Характерные же для жителей столицы Боспорского царства фибулы, золотые венки с индикациями византийских императоров, особо декорированные гривны и браслеты отсутствуют в степных погребениях. Разница заключается в стилистических особенностях украшений и в подборе погребального инвентаря в целом. Так, в степных захоронениях почти нет стеклянной и серебряной посуды, так разнообразно представленной в комплексах столицы Боспора, а также металлических умбонов от щитов [30, с. 14]. Однако все эти отличия не указывают на хронологический разрыв комплексов, они лишь свидетельствуют об их иной этнокультурной принадлежности. Сходство же погребального инвентаря степных комплексов и керченских грунтовых склепов, по мнению И.П. Засецкой, наблюдается прежде всего в формах оружия (мечей, наконечников стрел, костяных накладок лука), а также в конструкции удил, седла, в наличии некоторых одинаковых принадлежностях – зеркал, пряжек, наконечников, поясов. Появление и распространение всех этих вещей в Северном Причерноморье относится ко времени господства гуннов в Восточной Европе. Они встречаются на огромной территории, от Алтая до Западной Европы, в памятниках, совершенно отличных в этнокультурном отношении, и лишь свидетельствуют о принадлежности последних к одной исторической эпохе [30, с. 14-15].

Определенную группу на боспорских некрополях составляют погребения христиан. В настоящее время известно более сорока боспорских христианских надгробий, причем подавляющее большинство происходит из некрополя в районе Глиница и значительно меньше из городского некрополя с северного склона горы Митридат столицы Боспора [27, с. 16]. Достоверно датировать V в. удается лишь несколько. Так, на надгробии диакона Евсевия есть дата – «месяца дистрия 733 года» [27, с. 12]. 733 год боспорской эры соответствует 436/7 г. На другом надгробии, принадлежащему боспорянину Арсаку, указывается, что он христианин,

хотя сам характер надгробия не оставляет в этом никаких сомнений. В комментарии к надписи В.В. Латышев справедливо отмечает, что такой надгробный памятник мог появиться только при условии открытого существования христианства, хотя бы не в качестве господствующей религии, а равноправной с язычеством [48, №100]. Наличие в надписи слова «христианин» вполне очевидно подчеркивает тот факт, что христианство в V в. еще не было единственной религией в Боспорском царстве. Все прочие христианские надгробия, а их около тридцати, датируются с гораздо меньшей точностью – в пределах V-VI вв. Обусловлено это тем, что шрифт лапидарного письма в Боспорском царстве в течение всего этого времени изменялся весьма мало. Упомянутые на надгробиях имена христиан – Аникет, Абики, Адельфа, Арсин, Евтихиан, Евфрасий, Феодосий, Феодора, Феодор и другие, в основном греческого происхождения, часть из которых характерны именно для жителей Малой Азии [27, с. 23-24].

Греческий язык надгробий, по мнению В.Д. Блаватского, свидетельствует о том, что обитатели Пантикапея-Боспора в период раннего средневековья были прямыми потомками населения прежней боспорской столицы. А если в их среду и проникали иноземные пришельцы, то они подвергались достаточно сильной ассимиляции [17, с. 224]. Наличие в некоторых надгробных надписях V в. дат по боспорской эре, самая поздняя из которых относится к 497 г., позволяет заключить, что жители столицы царства стремились сохранить прежние боспорские традиции [17, с. 225]. В то же время система датирования официальных актов второй половины V в. по традиционному боспорскому и по византийскому летосчислению может рассматриваться как признак ощутимого политического влияния Византии на государственную жизнь Боспорского царства, поскольку тот же феномен и в то же время зарегистрирован только в провинциях Империи [22, с. 244].

Ю.Г. Виноградов считает, что Боспорское государство продолжало свое стабильное существование, цементировавшееся прочной царской властью и разветвленным государственным аппаратом, распространившим свои прерогативы на государственные и частные владения, простиравшиеся на земли обоих берегов Боспора Киммерийского. Ни документально, ни археологически не прослеживается и намек на общее запустение греческих центров Боспора [22, с. 245]. Однако такая оценка значительной мощи Боспорского государства и царской власти во второй половине V в. представляется все же несколько завышенной.

Интересные материалы о жизни и этнической принадлежности населения в небольших городах Боспорского царства в V в. получены при археологических исследованиях городищ Тиритаки, Китея и отчасти Киммерика. Так, в центральной части боспорского города Тиритака раскопано несколько достаточно больших городских усадеб, которые, судя по результатам археологических исследований, частично перестраиваются в середине - второй половине V в. [35, с. 333]. Здесь же, на границе двух кварталов на протяжении нескольких столетий функционировало святилище, которое было окончательно заброшено

не позднее середины V века. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких божеств в нем почитали [34, с. 178]. Прекращение существования языческого святилища в центре Тиритаки и строительство христианской базилики в припортовой части, хорошо согласуются с общей тенденцией превращения христианства в государственную религию Боспорского государства во второй половине V в.

Исследования последних лет дали большое количество материалов и о боспорском городе Китее, который в V в. продолжал существовать в границах крепостных стен первых вв. На раскопанных участках нет следов катастрофических разрушений, перепланировок улиц, заброшенных мест. В самом центре города, в старой сакральной зоне исследованы остатки комплекса культовых зданий с круглым зданием-святилищем, которые неоднократно на протяжении V в. перестраивались. Е.А. Молев полагает, что языческие религиозные обряды отправлялись в них и в раннехристианское время [51, с. 222-223]. О продолжении существования боспорского города Китея в прежних размерах свидетельствуют и находки последних лет на некрополе, где открыт ряд новых земляных склепов гуннского времени с фрагментами краснолаковой посуды со штампованными крестами. Судя по исследованным участкам некрополя, территория с новыми захоронениями, совершенными на протяжении V-VI вв., была достаточно обширной. Городской некрополь занимал, по всей видимости, всю изначальную ближнюю хору Китея. Земельные наделы должны были переместиться на запад и восток от города или на север от возвышенности Джург-Оба. В целом Китей предстает одним из наиболее значительных боспорских городов этого периода, который доминировал в территориально-хозяйственной микроне юго-востока европейской части Боспорского царства как самостоятельный локальный центр [19, с. 174-175].

На юго-восточной окраине боспорских земель продолжает существовать мощная цитадель на горе Опук - Киммерик (Киверник). Эта цитадель, а также оборонительные стены города Киммерика и примыкающие к ним Узунларский вал и ров, многие столетия составляющие с боспорским городом Киммериком единую фортификационную систему, в V в. оставались западным пограничным боспорским укреплением. Охрана этого важного пограничного пункта, по мнению В.К. Голенко, могла осуществляться «варварами»-федератами из числа германских племен, осевших на побережье Меотиды и на Боспоре [26, с. 130]. Во второй половине V в., несмотря на гуннское вторжение, городище Киммерик продолжал выполнять функцию пограничного рубежа Боспорского царства [26, с. 133].

Эпиграфические памятники второй половины V в. свидетельствуют о превращении христианства в господствующую в Боспорском царстве религию. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе 448 года и в Эфесском в 449 году. В Керчи найдено надгробие 438 года дьякона Евсевия [12, с. 14]. Со второй половины V века благодаря подчинению боспорских земель

Константинопольскому патриарху (451 г.) и активной деятельности боспорско-го епископа Евдоксия происходит процесс претворения христианства в общегосударственную господствующую религию. Этот процесс получил легитимность в последней четверти V века, когда в надписях боспорский царь Тиберий Юлий Дуптун и его сановники характеризуются как христиане.

Важнейшим памятником конца V в. является боспорская христианская катакомба 491 г. опубликованная Ю.А. Кулаковским [45]. На стенах погребальной камеры склепа сохранились нанесенные красной краской кресты и стихи 90-го псалма. Склеп датируется старой боспорской эре и четко утверждает непрерывность культурной жизни населения столицы Боспора до конца V в. [45, с. 22]. В 1895 г. рядом была открыта еще одна катакомба конца V в., во всем аналогичная предыдущей, но гораздо беднее по содержанию [45, с. 63]. На стенах склепа тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Однако их текст написан гораздо точнее, чем в склепе 491 г. Этот грунтовой склеп датируется 496 г. [45, с. 63].

Надписи из склепа 491 г. интересны еще и тем, что здесь упоминается имя Савага и его жены Фаиспарты, погребенных в этом склепе на центральном некрополе столицы Боспорского царства. Как полагает Ю.Г. Виноградов, этот же знатный боспорянин неоднократно упоминается в боспорских надписях V в. На основании анализа этих эпиграфических памятников, охватывающих достаточно узкий промежуток времени в 13-14 лет, с 478/9 по 491/2 гг., исследователь предпринял попытку воссоздать в общих чертах его биографию [22, с. 241]. Согласно ей Саваг, сын Аристана, происходил из знатной семьи одного из городов (скорее всего, Гермонассы-Таматархи) азиатской части Боспорского царства, владевшей на таманском берегу разнообразными угодьями. Не позже 478/9 г. он получает высокий пост комита в центральном аппарате администрации Боспорского государства, а в последнее десятилетие своей жизни и карьеры переселяется в столицу, где и был погребен со своей супругой Фаиспартой в 491/2 году или вскоре после него [22, с. 241].

На Боспоре, как и в других районах эллино-римского мира, помимо государственных институтов, общинная организация и различные сообщества, объединявшие людей не только по профессиональному, но и религиозному признаку, играли чрезвычайно важную роль в общественной и частной жизни [18, с. 244]. Поэтому именно в это время в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов выросла роль представителей христианской церкви, которые объединяли вокруг себя самые широкие слои боспорского населения. В период значительного ослабления центральной власти объединение вокруг христианской церкви значительной части населения вероятно способствовало сохранению Боспорского царства как единого политического целого и его ориентации на Византийскую империю [38, с. 42].

Захват гуннами степной части Восточного Крыма не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства. Земледелие оставалось глав-

ной отраслью экономики уцелевших городов и поселений, их население также занималось виноградарством и рыболовством [49]. Судя по тексту надписи 486 г., знатный боспорец комит Саваг, сын Аристона владел большими рыбопромысловыми угодьями [Виноградов, 1998, с.238, 240]. Однако присутствие гуннов в Восточном Крыму не могло пройти бесследно. Жители Боспора воспринимали все новшества, возникшие в Подунавье и в других провинциях. В первой половине V в. греческая и аланская знать Боспорского царства переняла у соседних гуннов возникшую на Дунае моду на золотые изделия нового полихромного стиля, украшенные вставками из граната [11, с. 79]. По дунайским образцам в боспорских мастерских стали изготавливать полихромные изделия нового стиля [14, с. 72; 32, с. 34]. А.К. Амброз выделяет два вида в новом полихромном стиле: 1) камни в отдельных гнездах россыпью; 2) сплошные перегородчатые украшения из пиленых пластинок. В изделиях первого типа камни расположены без симметрии, формы камней различны, чаще неправильные. Мастера нарочно подбирали их так, чтобы форма всё время варьировалась. В изделиях второго типа создавалась особая игра бесконечно меняющихся форм, своего рода мерцание [14, с. 72]. Примерно в это же время боспорские женщины стали носить гладкие двупластинчатые фибулы, серьги с многогранником и широкие пояса, как и дунайские. А уже с середины V в. боспорянки носили пряжки и двупластинчатые фибулы с кербшнитным декором или его имитацией, броши в виде изображения цикады [9, с. 70].

Судя по материалам городских некрополей в V в., этнический состав оседлого населения европейской части Боспорского государства изменился мало. Так, на стене христианского склепа 491 года и на других эпитафических памятниках встречены греческие (Евсевий) и аланские (Фаиспарта, Спадин) имена [45, с. 6, 22-23]. Аланскими (или гуннскими?) именами называли и греков, например, знатный боспорец Саваг, сын Аристона. Следует также отметить, что найденное при раскопках граффити с упоминанием еврея Анания из Боспора свидетельствует о сохранении среди горожан в V в. иудейской общины [11, с. 88], которые к тому же имели свой отдельный некрополь, расположенный к югу от столицы государства.

Однако необходимо обратить внимание на то, что, судя по увеличению количества богатых погребений в столичном некрополе, в середине V в. идет процесс укрепления социальной верхушки населения Боспорского царства [14, с. 85]. Это, вероятно, было связано с участием некоторой части ее представителей в походах гуннов на Запад, а также возможной инфильтрации в среду населения боспорской столицы гуннской военной знати. Все это свидетельствует о постепенной эволюции наиболее зажиточной знатной части боспорского общества и сращивания его с пришедшей в Восточный Крым варварской верхушкой [39, с. 239].

Исходя из основных тенденций экономического развития и в первую очередь гибели системы царского землевладения в результате событий второй

половины III в., социальная стратификация населения Боспорского государства в ранневизантийский период должна была стать более простой [39, с. 238]. В боспорском обществе существовала количественно небольшая группа знати, приближенных боспорского царя и его военной опоры, с одной стороны, и подавляющей массы населения сравнительно невысокого достатка, занятого в сельскохозяйственном производстве, ремесле и мелкой торговле, - с другой [38, с. 41]. К представителям слоя боспорской знати второй половины V в. в первую очередь следует отнести епарха Игудия, комитов Спадина и Савага, а также протокомита Кимирия, сына Агафуса. В социальном плане в силу сложившихся обстоятельств слой основной массы населения Боспорского царства был достаточно однороден, и именно он являлся объектом эксплуатации правящей верхушки боспорского общества. При этом следует подчеркнуть, что имеющиеся сейчас источники не позволяют говорить о наличии в Боспорском государстве в этот период не только сколько-нибудь значительного количества рабов, но и близких им по положению групп зависимого населения, в том, числе и пелатов [39, с. 238].

Появление «гуннских» предметов в погребальном инвентаре некрополей Боспора и других городов Боспорского царства, вероятно, следует рассматривать как инфильтрацию какой-то незначительной части этого нового этноса, или даже как его инноваций и традиций в материальную культуру боспорян. Прокопий Кесарийский четко ограничивает место обитания гуннских племен на Крымском полуострове во второй половине V века степной территорией между Херсонесом и Боспором [7, VIII, V,26]. Нахождение кочевнических гуннских погребений в Восточном Крыму лишь к западу от Узунларского вала и рва подтверждает факт функционирования этой древней линии обороны Боспорского государства и в V в. А даваемая в сведениях ранневизантийских авторов определенная этническая ситуация, противопоставляет варварское население степной части полуострова в сравнении с боспорским населением столицы и прилегающих земель Боспорского царства с более мелкими городами и сельскими поселениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евнаний*. Продолжение истории Дексиппа // ВДИ. – 1948. – № 3. – С. 272-275.
2. *Зосим*. Новая история // ВДИ. – 1948. – № 4. – С. 247-288.
3. *Иордан*. О происхождении и деянии гетов. – М.: Наука, 1960. – 435 с.
4. *Созомен*. Церковная история // ВДИ. – 1948. – № 3. – С. 302-312.
5. *Agathias*. The histories / Translated by J.D. Frendo // Corpus fontium historiae Byzantinae. – Berlin, New York, 1975. – Vol. II A. – 159 p.
6. *Ammianus Marcellinus*. – Harvard university press. Cambridg-London, 1972. –378 p.
7. *Procopius*. History of the wars / With en English traslation by H.B. Dewing. – Vol. I. – Cambridge, Massachusetts, MCMXIV. – 279 p.

8. *Zosimus. New history / A translation with commentary by R.T. Ridley.* – Canberra, 1982. – 413p.
9. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. I. – С. 3-86.
10. *Айбабин А. И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (к публикации И.П. Засецкой) // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. III. – С. 22-23.
11. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь: ДАР, 1999. – 352 с.
12. *Айбабин А. И.* Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века; под ред. Т. И. Макаровой, С. А. Плетневой. – М.: Наука, 2003. – С. 10-15.
13. *Айбабин А. И.* Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, - 2012. – 5 с.
14. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – М., 1992. – Вып. I. - С. 6-108.
15. *Артамонов М. И.* История хазар – Л.: Наука, 1962. – 523 с.
16. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 208 с.
17. *Блаватский В. Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. – М.: Наука, 1964. – 232 с.
18. *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. – М.:Наука, 1985. – С. 242-260.
19. *Болгов Н. Н.* Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы / Н. Н. Болгов // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции / ГЭ, ИИМК РАН [и др.]. – СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. – Часть 1. - С. 171-177.
20. *Васильев А. А.* Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. – М., 1921. – Ч. 1. – Т. I. – С. 265-344.
21. *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Труды: в 4-х т. – СПб., 1912. – Т. 2, вып. 2. – 357 с.
22. *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – № 1. – С.233-247.
23. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. – 216 с.
24. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. – 1949. – 622 с.
25. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 15-134.
26. *Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. – Симферополь: Сонат, 2007. – 408 с.
27. *Диатроптов П. Д.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. – 1995. – Вып. 2. – С. 7-40.
28. *Ермолин А. Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // ДБ. – М., 2006. – Вып. 9. - С. 90-100.

29. *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: тезисы докладов международной научной конференции / ГЭ. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1999. – С.28-32.
30. *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. – М.: Наука, 1979. – Вып. 158. - С. 5-17.
31. *Засецкая И. П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. – Л.: «Искусство», 1986. – Вып. 27. - С.79-91.
32. *Засецкая И. П.* Материалы боспорского некрополя 2-й пол. IV- I пол.V вв. // МАИЭТ.– Симферополь, 1993. – Вып. III. - С. 23-104.
33. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV - Vвв.). – СПб., 1994. - 224 с.
34. *Зинько А. В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V-VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции / ГЭ, ИИМК РАН [и др.]. – Часть 1. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. – С. 177-179.
35. *Зинько А. В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002-2005 гг. // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. – СПб., 2008. – XLII. - С. 329-338.
36. *Зинько А.В.* О застройке боспорского города Тиритака в 4-6 вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, - 2012. – 147 с.
37. *Зинько Е. А.* Некрополь Пантикапея – новые открытия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: материалы IV Боспорских чтений / КФ ИВ НАНУ [и др.]. – Керчь, 2003. – С. 113-116.
38. *Зубарь В.М.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI вв.) / В. М. Зубарь, А. И Хворостяный. – К., 2000. – 178 с.
39. *Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории / В. М. Зубарь, В. Н. Зинько // БИ. – Симферополь-Керчь, 2006. – Вып. XII. - 304 с.
40. *Казанский М. М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре; под ред. М.Е. Левады. – К., 1999. – С. 277-297.
41. *Катюшин А. Е.* Еще раз об этнониме «трапезиты» // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. – Вып. XI. - С. 452-458.
42. *Корпусова В. М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. – 1973. – №8. – С. 27-45.
43. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. – К.: Наукова думка, 1983. – 183 с.
44. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. – М.: «Наука», 1966. – 221с.
45. *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. / Ю. А. Кулаковский // МАР. – СПб., 1891. – Вып 6. - С. 1-30.
46. *Кулаковский Ю. А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.– СПб., 1896. – 27 с.

47. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – К., 1914. – 158 с.
48. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной Росси. Находки 1904 г. // ИАК. – СПб., 1905. – Вып. 14. – С. 1-137.
49. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. – М., 1990. – 228 с.
50. Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М., 1997. – 108 с.
51. Молев Е. А. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005 - 2006 гг.) / Е. А. Молев, Н. В. Молева // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: материалы VIII Боспорских чтений / КФ ИВ НАНУ [и др.]. – Керчь, 2007. – С. 219-225.
52. Пиоро И. С. Крымская Готия – К.: Лыбидь, 1990. – 200 с.
53. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс – М.: Наука, 1989. – 197 с.
54. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века) – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2003. – 248 с.
55. Сазанов А. В. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. – 1989. – № 1. – С. 84-102.
56. Сокольский Н.И. Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des altertums. – Amsterdam, 1968. – С. 251-261.
57. Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV-V вв. в хронологии Цебельдинских могильников // КСИА. – М., 1979. – Вып. 158. – С. 57-66.
58. Шкорпил В. В. Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. // ЗООИД. – Одесса, 1900. – Т. XXII, отд. 5. – С. 59-60.
59. Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК – СПб., 1907. – Вып.25. – С. 1-66.
60. Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. – СПб., 1909. – Вып.30. – С. 1-50.
61. Шукин М.Г. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) – СПб.: Филологический факультет СПб.ГУ, 2005. – 576 с.
62. Яйленко В.П. Гунно-булгары II-V вв. до н.э на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. – М., 2002. – Вып. 5. – С. 303-333.
63. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – М., 1958. – №85. – С.458-501.
64. Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. – В.-Amsterdam, 1971. – 692 s.
65. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. – Oxford, 1948. – 375 p.
66. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – Cambrige, Massachusetts. 1936. – 290 p.

Зинько А.В.

Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов

Резюме

Традиционно начало эпохи Великого переселения народов связывают с вторжением гуннов на Северный Кавказ в 370-375 гг. Отрывочные сообщения письменных источников и результаты многочисленных археологических исследований последних десятилетий дают противоречивые представления об этнической ситуации в Восточном Крыму в эпоху Великого переселения народов. Это обусловлено как краткостью свидетельств древних авторов и небольшим количеством фрагментарных эпиграфических надписей, так и сложностью интерпретации и датировки археологических источников. Однако, несмотря на все потрясения и утраты в результате набегов гуннов западной части Керченского полуострова, Боспорское царство с конца IV по первую треть VI вв. продолжало свое достаточно стабильное существование.

Зинько О.В.

Східна Таврика в епоху Великого переселення народів

Резюме

Традиційно початок епохи Великого переселення народів пов'язують з вторгненням гунів на Північний Кавказ у 370-375 рр. Уривчасті повідомлення письмових джерел і результати багаточисельних археологічних досліджень останніх десятиліть дають суперечливі уявлення про етнічну ситуацію в Східному Криму в епоху Великого переселення народів. Це обумовлено як стислістю свідочств древніх авторів і невеликою кількістю фрагментарних епіграфічних написів, так і складністю інтерпретації і датування археологічних джерел. Проте, не дивлячись на всі потрясіння і втрати в результаті набігів гунів західної частини Керченського півострова, Боспорське царство з кінця IV по першу третину VI ст. продовжувало своє досить стабільне існування.

Zin'ko A.V.

Eastern Taurica in the Epoch of the Great Migration of Peoples

Summary

Traditionally the beginning of the epoch of the Great Migration of Peoples is connected with the intrusion of the Guns to Northern Caucasus in 370-375. Fragmentary reports from written sources and results of numerous archaeological researches of last decades give contradictory presentation of ethnic situation in the Eastern Crimea in the epoch of Great Migration of Peoples. It is determined by brevity of evidence of ancient authors, small number of fragmentary epigraphic inscriptions and complexity in interpretation and dating archaeological sources. However, despite all perturbation and losses caused by the Guns' raids in the western part of the Kerch peninsula, the Bosphorus Kingdom continued their rather stable existence since the end of the 4th up to the first third of the 6th century.